

Акберен

Эмезек

КАМЕНЬ-КАПЛЯ ТЯЖЕЛА...

КОБЫЗ-СЕРДЦЕ

Когда в закат сползает день,
 И разум побеждают сны,
 И парки темные тогда случайной публикой полны,
 Все звуки мира в этот час в один поток сольются вдруг,
 И всё сознание мое пленит кобыза мощный звук...
 Когда привидится тебе в кругу камлающий шаман,
 И запоет душа в груди, поверив в сладостный обман.
 Когда расколет камень гор тот страстный, вдохновенный стон,
 Постигнешь ты, как жалок мир, и то, как ограничен он.
 И этот праздник Бытия охватит много тысяч лет,
 Седой ковыльный океан перед тобой закроет свет...
 И вдруг неведомая мощь тебя доставит в край иной,
 Где стоны странные вокруг, как бы тигрицы страшный вой.
 И жизнь беспечную твою развеет ветер что есть сил,
 Лишь будут в воздухе парить виденья родственных могил.
 Кобыза яростный аккорд сорвет покров с небес вдали,
 И будут в небе облака тягаться за клочок земли.
 Потом из темной глубины засвищет ветер ледяной,
 Начнут потоком сонмы звезд из бездны сыпаться ночной.
 Таким предстанет в этот час Чистилище души твоей!
 И, чтоб потом не пожалеть, ты им проникнись успеи!
 На землю ангелы сойдут,
 И души тех, кого уж нет,
 И будут все едины тут...
 Кобыз нам дарит вечный свет!
 Творец дарует нам с небес нездешних звуков волшебство!..
 Созвучна им моя душа, и мне желанен дар Его!
 Но только нужно быть скромней, чтоб сатана вовек не смог
 В душе поющей исказить того, что щедро дал мне Бог.
 И пусть кобыз не замолчит,
 Пусть вечно в сердце он звучит.

СТАРЫЙ МАЛЬЧИК

Городских окраин смрад,
 Лето душное стоит.
 Из кюветов стон бродяг обездоленных летит.
 И, от брани сторонясь, каждый день здесь ходит он –
 Нищий мальчик, что умом от рожденья поврежден.
 С видом скорбным он идет у людей на хлеб просить.
 Семилетний старичок, он едва лишь начал жить.
 Сирий пасынок земли, плод родительской вины,
 От обиды от него всхлипы горести слышны.
 Для меня же бедняки – это истинный народ...
 Если бросит кто ему в шапку щедро
 Медный грош,
 Он поверит, что болезнь отдалится от него.
 И в тростинку он дудит, и не помнит ничего.
 Но кого же он зовет, этот маленький старик?
 Застывает в жилах кровь, песнь его – нескладный крик.
 Плоть его болезнь грызет,
 Разум – погружён во тьму...
 Все проходят стороной, равнодушные к нему.
 И сегодня – как вчера:
 Смрад и адская жара.
 Из кюветов – стон бродяг от утра и до утра.
 И дудит в тростинку он, и большие слезы льет,
 А она в его руках, как свирель, поет, поет...

ЭЙФОРИЯ

Я почувствовал, как крылья задрожали на спине,
 И взлетел, как будто ангел, словно было всё во сне.
 Разогнался и взметнулся,
 Воспаряя в небеса,
 И восторга слёзы лили вдохновенные глаза.
 «Если б смог найти я средство рану сердца врачевать,
 Я б воспел Луну большую,
 Солнце смог бы я обнять!..»
 С этой мыслью я вознесся
 Выше самых адских мук,
 И предался ликованью от свободы бедный дух.
 Ведь душа такого блага не знавала никогда,
 А не то бы улетала вдаль, неведомо куда.
 Райский сад вдали я вижу, что танцует миражом,
 Я влекусь к нему душою, этим чудом поражен.
 «Неужели кущи Рая вдруг явились предо мной,
 Что пророки описали... Я войду в них, Боже мой!..»

Вижу я, с крылами тени проникают в чудный сад,
Как и я, влекутся робко в предвкушении наград.
И радушно там встречают тени близких и рабов,
С ними говоря беззвучно –
Здесь не слышно голосов!..
Раз народ здесь так доволен, что же унывать и мне?!
Что-то молвил без раздумья подвернувшейся змее!
Женщиной или чертовкой в том саду была она,
Источала страсть ночную, а в очах плыла Луна.
Оказался я невежей, самовольно вторгшись в Рай,
По спине меня ударил ангел плетью: честь, мол, знай.
И, бескрылый, я свалился снова в этот мир, скорбя,
С той поры боюсь смертельно я бескрылого себя.

СОННЫЙ ПАРАЛИЧ (Кошмарные сновидения)

Сон мой черные вороны вдруг смогли заполнить,
Про мои сомненья, страхи громко каркают они.
Свили гнёзда (знать, надолго!) птицы в волосах моих
И бросают мне в подкорку черный ужас слов лихих...
Там, в глубинах подсознания, завивается спираль,
Что затягивает разум в неизведанную даль.
Я во сне своем скитаюсь, чтоб в скитаньях отыскать
Отчий дом, что не построен, и о нём мне лишь мечтать.
В этом доме всё былое вижу я в туманном сне,
Всех своих родных и близких, что не помнят обо мне.
На дворе клюют голубки, на ворон косясь, зерно –
Это птицы настроений, пережитых мной давно.
В этом доме всё как прежде... и по-новому теперь...
Мать с отцом и брат с сестрою...
Для меня открыта дверь...
Я в свой дом войти не смею, говорит ужасный сон,
Чемодан в руках скитальца обернулся черным псом...
В стенах ветер беспокойный осуждающе скрипит,
Вся округа за пришельцем с ожиданием следит.
Я мечусь, и за ошейник всё удерживаю пса,
И заглядываю в окна, выкликая мать, отца,
Недоволен, что вниманья мне никто не уделит...
На меня отец взирает из окошка и молчит...
Бросив всё, я удаляюсь в смутный мир небытия,
Будто я – дыханье ветра, а совсем уже не я...
Вдруг доносится с погоста стон неистовый во мгле,
И от ужаса трепещет мой светильник на столе...
Просыпаюсь я, ладонью разгоняя грез туман.
Сон мой – темный чемодан?..

КАПЛЯ И КАМЕНЬ

Ночь – не ночь, а час рассвета.
 Месяц светит в вышине.
 Капля что-то шепчет ветру,
 Развалясь на валуне.
 То слеза?
 Иль призрак зыбкий,
 Обольстительный мираж?
 Я ведь тоже – ложь, ошибка,
 Чья-то выдумка и блажь.
 И слеза в очах скорбящих –
 Это грусти светлый след.
 И под каплей камень спящий –
 То с небес упавший свет!
 Краской волосы сверкают –
 Это фарс, пустая мгла.
 А слезинка – весом с камень,
 Камень-капля тяжела.
 Ночь – не ночь, а час рассвета,
 Ночь – биенье скрытых жил.
 Я – не образ человека,
 Так, могила тайных сил.
 А когда умрут рыдания –
 Мир восторженный придет,
 Словно камень, он восстанет
 И покров с себя сорвет.

Ночь – не ночь, а час рассвета,
 Слыша голос, что забыт,
 Образ я зову заветный,
 В капле камня что сокрыт.

ОСЕННИЙ ГОРОД

В окно мое всегда видна за жизнь жестокая война,
 В чём жизни смысл, кто мог бы мне сказать?
 На четвереньки нужно встать, и зарычать,
 И зверем стать,
 Чтоб засверкали зеленью глаза!

В окно мое всегда видна дорога, что людьми полна,
 И три огня,
 Что освещают даль.
 И чтобы строчку сочинить, мне надо пить – и буду пить,
 Предчувствуя великую печаль.

В окно мое всегда слышны моторов рокоты, шумны,
Они бросают в воздух синий газ...
Чтоб было прошлого не жаль,
Всё помнит пламенный асфальт,
Слова же часто не точны для нас.

В окно мое бездомный дождь
Опять стучит и множит ложь,
И каблучки стучат по мостовой.
Когда бы Осень вдруг смогла сложить стихи,
То жизни мгла
На миг светлее б стала предо мной!..

В окно мое всегда видна
Вселенной черной глубина...
На деньги их плевать я буду рад!
А если кто средь бела дня
Глядит с презреньем на меня,
То вижу я зеленый зверя взгляд.

ТУМАН

Моею скорбью и печалью он рожден,
Степной туман, густой и тягостный, как сон.
В нём бродит ангел, и над ним не властна ночь,
Он райским светом озарен до самых ног.
Терпенье хватит ли настойчивому мне?
Часы мои струят свет времени во тьме.
Младенца плач я слышу в темноте густой,
Который только что рожден полынью-травой.
Собой являя нераскрывшийся бутон
И не сказав еще ни слова, плачет он.
Став жертвой Мысли, не очищенной от лжи,
Убитый Разум здесь поверженный лежит...
Коварство лжи!
Смотреть на это – нету сил!
Как будто ветер, что в пути своем застыл,
Лежит над степью белой тяжестью туман!
И смутно видно в нём знакомые дома –
Мой опустевший край, казахский мой аул...
Как будто вновь сын блудный к родине прильнул...
Луч Солнца падает на волосы мои.
Слепой Туман – и я,
Мы здесь совсем одни.
А впрочем, о себе я мог не говорить:
Меня с Туманом невозможно различить.

КРОССВОРД

Коснулась мысль моя загадки бытия,
 Рассеять тьму вокруг сумела мысль моя.
 Но кто способен в мире скорбь мою понять?
 С тоской вздыхает кто-то в сердце у меня...
 Услышал сердцем я Вселенной голоса,
 И громом наполнились пустые небеса.
 Я вспомнил Мать,
 Исполнен чувства злой вины,
 Выл так, что были звёзды в небе смущены.
 Я попытался сбросить маску, став собой,
 Но был противен мне исконный образ мой!
 Смотрел я в бездну, упиваясь пустотой, –
 В ней невозможно опереться ни на что.
 Откуда мысль моя, кто дарит мне ее?
 Где смысл находит слово верное мое?
 Я в небесах парю среди светил ночных,
 И ничего я в этой жизни не постиг.
 А кто-то в Небе хочет разгадать его,
 Кроссворд запутанный сознания моего...

Перевод Ивана Голубничего.

Из Антологии современной казахской поэзии, изданной в рамках программы «Рухани жаңғыру». Издательство Московского университета, 2019

Акберен Елгезек – поэт, прозаик, переводчик, родился в 1980 году, выпускник исторического факультета Казахского национального университета имени аль-Фараби. Автор сборников стихов «Көлеңкелер күбірі» («Шепот теней»), «Шексіздік сыртындағы шам» («Лампа за краем бесконечности»), повести «Болмаган балалық шақ» («Детство, которого не было»). Лауреат Государственной молодежной «Дарын», республиканской молодежной премии «Серпер», премии имени Толегена Айбергенова, обладатель общественной награды «Алтын қалам».

Перевел на казахский язык произведения Ивана Бунина, Дмитрия Мережковского, Варлама Шаламова, Владимира Высоцкого, Гийома Аполлинера. Недавно выпущена и представлена читателям книга стихов Акберена Елгезека и Ерлана Жуниса в формате Twinbook.